

Резиденция Бо Цинъянь располагалась на обособленной горной вершине.

Бай Мянью стоял позади неё и тихо спросил:

— Супруга... что сказала цзунчжу?

Бо Цинъянь обернулась и посмотрела на него.

Молодой господин задрал голову, в его глазах читалась тревога, но он изо всех сил старался улыбаться, словно говоря: «Я в порядке».

Она помолвила мгновение, а затем произнесла:

— Рожай.

Бай Мянью замер.

— Рожай ребёнка. Если родится девочка, ты сможешь остаться на законных основаниях. Если мальчик...

Она сделала паузу.

Лицо Бай Мянью побледнело, голос задрожал:

— Е-если родится мальчик?

Бо Цинъянь смотрела на него.

— Мальчик тоже сможет остаться.

Бай Мянью остолбенел.

— Т-так ведь цзунчжу говорила...

— Мало ли что она говорила, — ровным тоном ответила Бо Цинъянь. — Ты — человек этого престола, и только мне решать, останешься ты или нет.

У Бай Мянью защемило в носу, и слёзы едва не брызнули из глаз.

Он отчаянно сдерживался, но слёзы всё равно предательски хлынули наружу.

— Супруга...

— Чего ты плачешь?

Бай Мянью покачал головой, утирая слёзы, и с улыбкой произнёс:

— Я-я не плачу... Я просто радуюсь...

Бо Цинъюань посмотрела на него и ничего не ответила.

Она протянула руку и притянула его к себе в объятия.

Бай Мянью уткнулся ей в грудь, всхлипывая, но при этом счастливо улыбаясь.

— Супруга... ты так добра ко мне...

Бо Цинъюань опустила на него взгляд.

— Добра?

— Угу! — Бай Мянью поднял голову. Его глаза покраснели и опухли, но при этом ярко сияли. — Супруга — самый добрый человек на свете!

Дни вынашивания ребёнка оказались куда проще, чем представлял себе Бай Мянью.

Потому что Бо Цинъюань каждый день находилась рядом с ним.

Нет, она не просто была рядом. Она оберегала его как сокровище.

— Выпей это.

Бо Цинъюань протянула ему пиалу с супом.

Бай Мянью взял её, сделал глоток, и его глаза засияли.

— Вкусно!

— Допивай.

Бай Мянью послушно осушил пиалу до дна, облизал губы и с надеждой уставился на неё.

Бо Цинъюань протянула ему тарелочку с пирожными.

Бай Мянью откусил кусочек, и его глаза вновь заблестели.

— И это тоже очень вкусно!

Видя, как он уплетает угощение с лукавыми полумесяцами глаз, Бо Цинъюань отметила, как в глубине её взгляд мелькнуло едва заметное тепло.

— Вкусно — ешь побольше.

И Бай Мянью стал есть очень много.

Спустя полмесяца он стоял перед бронзовым зеркалом, зажав в пальцах жирок на талии, и слегка опечалился.

— Супруга...

— Мм?

— Я что... поправился?

Бо Цинъюань подошла и встала позади него, глядя на его отражение в зеркале.

Щёчки юноши в зеркале стали круглее, чем прежде, лицо пытело здоровьем, губы увлажнились, а глаза ярко сияли — он был похож на сочный, созревший фрукт.

Она протянула руку и слегка ущипнула его за бок.

— Мм.

Лицо Бай Мянью вытянулось:

— Д-действительно поправился...

— Поправился — это хорошо.

Бай Мянью замер и поднял на неё взгляд.

Бо Цинъюань посмотрела на него сверху вниз.

— Раньше был слишком худым, обнимать было больно.

Щёки Бай Мянью покраснели.

Он опустил голову и тихо пробормотал:

— Т-тогда я ещё немного отъежусь...

Уголки губ Бо Цинъюань чуть заметно изогнулись.

— Мм.

Прошёл ещё месяц.

Живот Бай Мянью уже заметно округлился.

Одетый в свободные одежды, он сидел во дворе и грелся на солнце. Лучи ласкали его тело, согревая так приятно, что юношу неудержимо клонило в сон.

Бо Цинъюань возвращалась снаружи, и перед её взором предстала именно такая картина:

молодой господин прислонился к кушетке, прикрыв глаза, словно ленивый кот. Солнечный свет пал на его лицо, освещая румяные щёчки. Губы были слегка приоткрыты, влажные, словно их только что целовали. Весь он казался таким мягким и благоухающим, что так и хотелось откусить кусочек.

Она подошла и села рядом с ним.

Бай Мянью почувствовал движение, открыл глаза и, увидев её, тут же радостно засиял.

— Супруга! Ты вернулась!

Он приподнялся, намереваясь встать, но Бо Цинъюань мягко удержала его.

— Лежи.

Бай Мянью послушно опустился обратно, взял её руку и положил себе на живот.

— Супруга, сегодня ребёнок меня пнул!

Бо Циньянь накрыла ладонью его живот, ощущая едва заметные движения.

— Мм.

Бай Мянью задрал голову, глядя на неё сияющими глазами:

— Супруга, как ты думаешь, у нас будет девочка или мальчик?

— Не знаю.

— Я хочу девочку! — заявил Бай Мянью. — Тогда цзунчжу точно разрешит мне остаться!

Хотя система уже сообщила Бай Мянью, что благодаря благословению Системы Блаженной Беременности вероятность рождения девочки составляла целых семьдесят процентов, он всё равно переживал, что не сможет родить дочь.

Бо Циньянь опустила на него взгляд.

В глазах юноши читалось столько ожидания и капелька робости.

— Мальчик тоже сможет остаться.

Бай Мянью на мгновение замер, а затем улыбнулся:

— Точно, супруга же так и сказала!

Он улыбался так счастливо, согнув брови в дуги, напоминая досыта накормленного щенка.

Бо Циньянь посмотрела на него и протянула руку, нежно отводя со лба прядь выбившихся волос.

— Бай Мянью.

— Мм?

— Мальчик это или девочка — все они дети этого престола.

Бай Мянь замер.

Он смотрел на Бо Цинъянь, в её холодные и чистые глаза, пытаясь разглядеть в них то неуловимое, чему не мог подобрать названия.

В носу внезапно снова зашипало.

— Супруга...

— Мм?

— Ты так добра ко мне...

Бо Цинъянь ничего не ответила.

Она лишь наклонилась и оставила невесомый поцелуй на его лбу.

Лицо Бай Мяня мгновенно вспыхнуло.

Он прикрыл лоб рукой и уставился на неё невероятно сияющими глазами.

— С-супруга... ты поцеловала меня...

Бо Цинъянь поднялась и бросила равнодушно:

— Нет.

— Да! Ты поцеловала!

— Нет.

— Да! — Бай Мянь схватил её за руку, не давая уйти. — Супруга, ты меня поцеловала! Я сам видел!

Бо Цинъянь ничего не ответила, но Бай Мянь продолжал счастливо улыбаться.

Он потянул её за руку, снова прижал к своему животу и совсем тихонько попросил:

— Супруга... поцелуй ещё раз, пожалуйста?

Бо Цинъянь посмотрела на его сияющие глаза, на это полное надежды и трепета выражение лица.

Она наклонилась и коснулась губами его губ.

Очень легко, едва ощутимо, мгновенно отстранившись.

Затем выпрямилась и направилась к выходу.

Бай Мян timer замер на кровати, касаясь пальцами собственных губ, совершенно ошеломлённый.

Пока он пришёл в себя, Бо Цинъянь уже дошла до дверей.

— Супруга! — позвал он.

Шаги Бо Цинъянь на мгновение затихли.

— Т-ты снова меня поцеловала!

Бо Цинъянь не обернулась.

— Нет.

Дверь закрылась.

Бай Мян зарылся в одеяло, катался по кровати и улыбался как дурачок.

Во дворе царил прекрасный солнечный день.

А в комнате этот комочек ваты свернулся калачиком в постели, касаясь живота и губ, и глупо улыбался.

Его супруга была такой доброй.

Думая об этом, он растянул губы в ещё более широкой улыбке.

<http://bllate.org/book/22395/2350075>